

УДК 123.2

А. В. АГАПИТОВА

Студентка
Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина

ПОЗНАНИЕ В НЕ-ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается вопрос о возможности свободы познания одного субъекта от насильственно навязанных интерпретаций других акторов. Освещается тема борьбы интерпретаций, их место в мире и влияние на познание. Заявленный вопрос решается через противопоставление знания и не-знания как инструментов философии и не-философии соответственно. Свобода субъектных интерпретаций возможна как не-знание, достигается посредством пропозиционального подхода к процессу познания в рамках концепции не-философии в условиях мультиосновной хаотической реальности. Не-знание не является познанием, поскольку не становится интерпретацией реальности. Тем не менее, не-знание – познавательный процесс не-философии, он пропозиционально конституирует моменты реальности.

Ключевые слова: познание, насилие, хаос, хаотическое множество, не-философия, пропозициональность

AGAPITOVA A. V.

KNOWLEDGE IN NON-PHILOSOPHY

The article discusses the possibility of freedom in knowledge for one subject from violently imposed interpretations of other actors. The topic of the struggle of interpretations, their place in the world and their influence on knowledge is highlighted. The stated question is resolved through the opposition of knowledge and non-knowledge as tools of philosophy and non-philosophy respectively. Freedom of subjective interpretations is possible as non-knowledge, achieved through a propositional approach to the process of cognition within the framework of the concept of non-philosophy in conditions of multi-foundation chaotic reality. Non-knowledge is not knowledge, as it does not become an interpretation of reality. However, non-knowledge is a cognitive process of non-philosophy, and it propositionally constitutes moments of reality.

Keywords: knowledge, violence, chaos, chaotic multitude, non-philosophy, propositionality

Мы применяем трактовку познания как насилия, она подразумевает борьбу интерпретаций за статус истинности в конкретном дискурсе. Это желание найти истину, основание, и в исторически первую очередь божественное: «Эта трансценденция обитает в каждом языке и основывает его, а вместе с ним и возможность бытия-вместе» [3, с. 220]. Остальные, претендующие на причисление к истине, либо называются ложными, либо, в лучшем для победителя случае, исключаются, забываются. В этом смысле причиной любых очевидных проявлений насилия является обострение борьбы. Акторами борьбы, выдвигающими интерпретации, могут выступать субъекты, состоящие из групп или из индивидов, а также актуальности, которые отдельный индивид признает как собственные. Личностный уровень борьбы интерпретаций – познание, его причина – процесс самоидентификации, имманентно сочетающийся с морально-этическими выборами.

Мы предполагаем реальность как хаотическое множество, это синонимичные понятия здесь. В условиях реальности как множества предполагается индивид как множество. Каждый из элементов множественного индивида вступает в борьбу с предыдущими и одновременными элементами самого себя за статус признанного истинным, познанного. Это предполагает внутреннее насилие, за которым сразу же следует отрицание факта совершенной борьбы, иначе целостность собственной идентичности ставится под сомнение и поиск основания провален. Этот процесс – «насилие насилия». Он разрушает индивида и одновременно побуждает его к познанию, к поиску основания, к истине, к интерпретативной войне: «Насильственное открытие насилия (насилия аллергии и того насилия, которое скрыто, поскольку не называется аллергией). Речь идет о моменте, который генерирует и продолжает ход философии и который в то же самое время обращает ее к дегенерации» [1, с. 44]. «Насилие насилия», «аллергия на аллергию» на уровне множественностей предполагаемого индивида есть регулярный поиск собственного основания. Из-за конечной недоступности основания внутриличностная доказательно-интерпретативная борьба, познание, приобретает апофатический характер: «Мера открывает горизонт безмерного, а безмерное – горизонт самой меры. Поэтому насилие и разум всегда идут рука об руку» [4, с. 222]. Также истинное познание не является представлением обо всем множестве интерпретаций сразу (это будет интерпретацией ин-

терпретаций). Но какое основание мы можем предположить, кроме самого множества интерпретаций и принципиально недоступной реальности, которую они пытаются знать? Отсюда два вопроса: содержит ли реальность и интерпретации тоже, и как мы можем в своем познании опираться на реальность, если она – ускользающее основание? Отвечая на второй вопрос, следует сказать следующее. Реальность и составляет основание, поскольку ускользает, то есть предоставляет возможность интерпретировать себя как угодно: «Множественность не может быть универсально и окончательно обоснована, поскольку она открыта собственной множественности» [5, с. 60], то есть любой повод и вывод будет неполным для реальности. Это свойство реальности является условием возможности борьбы интерпретаций, то есть условием возможности познания.

Касательно первого вопроса, входят ли интерпретации в реальность или познание человека происходит в ничто, стоит обратиться к не-философии. Ее язык – пропозициональные высказывания, явление множества через не-философию носит форму пропозиции, то есть безоценочной констатации и содержания интерпретации, и его истинностной относительной оценки. В противоположность попыткам философии строить (отвергать) метафизику, не-философия через безразличие к иерархии в интерпретациях, «хотя каждый модус Реального является самодостаточным, ни один из них не представляется исчерпывающим» [6, с. 77], трансцендируется из насильственной борьбы и создает третий «слой» помимо реальности и плаца трактовок. Мы не можем сказать, что он совпадает с хаотическим множеством, потому что если мы это скажем, выразим убежденность в совпадении с ним, «где знанию нет необходимости выходить за пределы самого себя, где оно находит само себя и где понятие соответствует предмету, а предмет – понятию» [2, с. 49], совпадение перестанет быть актуальным в следующий момент времени хаотического изменения этого хаотического множества. В то же время мы можем сказать, что он совпадает с ним, поскольку обнаруживаемые не-философией интерпретативные процессы «второго слоя» осуществляются в реальности. Попытки познать реальность реально осуществляются вне зависимости от их результата. Пропозициональный подход к познанию, к интерпретациям реальностью человека (в интерпретации человека) и человеком реальности предлагает хаос множеств в отсутствии исторической и идеологической иерархии, который начи-

нается, разумеется, со свободы «познающего» от текущей историко-идеологической установки, от интерпретаций. Пропозициональное знание как не-философская единица, соответственно, не-знание. С одной стороны, не-знание является констатацией интерпретации, с другой – безличной интерпретацией интерпретации. Безличность в этом смысле – свойство хаотического множества, его отношение к попыткам человека его «познавать», это свойство перенимается не-философией от реальности с целью выносить суждения от ее имени настолько, насколько позволит безличие. Интерпретативность, знание являются содержанием не-знания, тогда как действие не-знания в силу отказа от участия в борьбе за основание ненасильственно, а форма – подлинная уникальность знания, обозреваемого им. Познание как знание предполагает выделение истины из ряда вещей, не-знание не оценивает. Можно было бы сделать вывод, что не-знание является оптимальным способом познания, если бы не-знание было познанием. Познание предполагает диалектическое движение к, тогда как не-знание движется за хаотическим множеством. В этом смысле знание создает само себя, выделяет некоторое избранное в хаотическом множестве, а не-знание только асимптотически стремится к хаотическому множеству как оно есть.

Литература

1. Боянич П. Насилие и мессианизм. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018.
2. Гегель В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
4. Зыгмонт А. Святая негативность: Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
5. Керимов Т. Х. «Новый материализм» в социологии: онтологические последствия // Вестн. Томского гос. ун-та № 462. Томск, 2021. С. 56–62.
6. Керимов Т. Х. Не-философия и пределы философии: Ж. Делёз и Ф. Ларюэль // Философский журнал. Т. 15. № 2. М., 2021. С. 64–79.